

Для заслуженного деятеля искусств Литовской ССР, кинорежиссера Альмантаса Грикявичюса день 21 февраля 1982 года стал, очевидно, своеобразным «звездным часом». Хотя новая его картина «Факт» уже побывала и на Дальнем Востоке, уже была премирована на XIV Всесоюзном кинофестивале и в Канне, в этот день одновременно в двадцати городах Литвы состоялась торжественная премьера фильма и обнаружила любовь и признание зрителя той земли, где родился Альмантас.

К этому дню Грикявичюса вел восемнадцатилетний путь в литовском кинематографе. Выпускник ВГИКа (мастерская И. Копална), постановщик многих документальных и художественных лент, неоднократно отмечавшихся союзными и международными призами, он тем не менее вряд ли когда-нибудь испытывал такую радость от безоговорочного успеха.

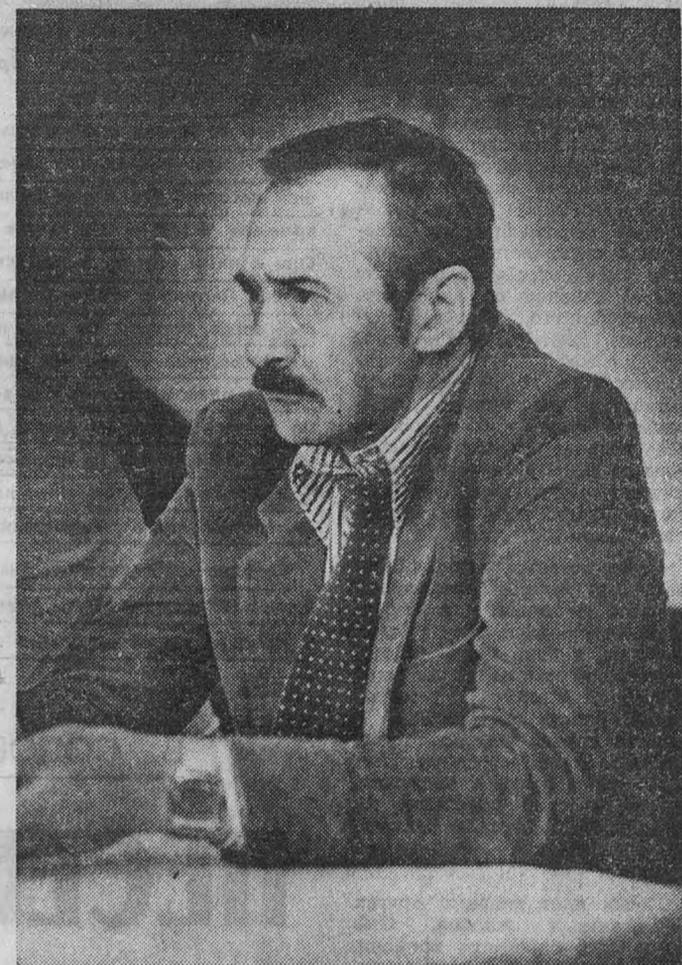
Яростно напряженный, интеллектуально насыщенный и одновременно неожиданно деликатный стиль режиссуры А. Грикявичюса как нельзя лучше выражает его человеческую индивидуальность.

Во ВГИКе 60-х годов, который трудно было чем-то удивить, он уже выделялся. Жадный к интересным людям, днями не вылезавший из просмотровых залов, только что до хрипоты споривший о качествах «синема-верите» или психофизического монолога, он мог, помнится, мгновенно внутренне преобразиться, забыв про еду и отдых, поехать смотреть закат солнца на каком-то повороте Яузы или искать на окраине города «дом, в котором мог жить Диккенсовский Фейджин». Нас, вчерашних абитуриентов, буквально магнетизировал этот не школярский, куда более взрослый подход к возможностям, предоставленным столицей, это торопливое, нервное желание охватить все и вся, эта отнюдь не дилетантская широта интересов, когда и важное, и второстепенное он впитывал с равной увлеченностью для последующего отбора, эта неожиданность мысли. С Альмантасом всегда было интересно. Интересно и по сей день.

Грикявичюс — великолепный собеседник. Его рассказы ярко образны, предельно эмоциональны, он как бы «проигрывает» виденное, и вот уже кажется, что и сам ты сидишь, усталый, на ступеньках римской площади Испании, кажется, это за тобой следит недобрый взгляд китайского катера во время поездки группы советских кинематографистов по Амур-реке. Грикявичюс «видит» многообразие жизни в сложных ассоциативных связях. Перенесенные на экран, они не всегда легко воспринимаются. Но прежде всего в кадрах, монтажных стыковках, укрупненных деталях, нюансах, атмосферы ощущаются остротой.

Сила внушения и артистизм, с какими Грикявичюс умеет убеждать собеседника в единственной правильности того, а не иного аспекта мысли, действительно велики. (Цена в искусстве и жизни ирония как противоядие против излишней чувствительности, не отказываясь даже от мистификации, режиссер может иногда в шутку использовать свой «колдовской» дар, чтобы доказать нечто заведомо неправильное!). Удивительно ли, что к нему так льнут актеры — и не только такие испытанные сподвижники, как Р. Адомайтис, Ю. Будрайтис, В. Паукште, А. Масюлис, уже почти образовавшие постоянную «группу», о какой Грикявичюс всегда мечтал. Его filmy не увлекают только тех, кто привык к равнодушному исполнительству, актерскому автоматизму. Ожидая от актера активного сотворчества, режиссер позволяет — в рамках разумного — импровизировать, он умеет высвобождать творческую фантазию каждого. Его принцип работы труден, но заманчив: не дубль — вариант!

— Никогда ни актеру, ни оператору, ни художнику или другому члену группы до конца не объясняя свою окончательную цель, — говорит о своем методе сам режиссер. — Пусть приходят утром со своими идеями, чтобы работать, а не просто побыть на съемочной площадке.

люди искусства

За глубиной — глубина

С. МАЦАЙТИС

Пусть понемногу поднимаются в гору...

Режиссерские и человеческие качества Альмантаса Грикявичюса, его гражданский пыл, выражающийся, в частности, в неоднократном обращении к антифашистской теме (ее так или иначе касаются «Чувства», поставленные вместе с А. Даусой, «Да будет жизнь!», «Потерянный кров» и «Факт»), определяют глубину, актуальность его лучших фильмов, мастерство их художественной формы. С другой стороны, качества эти иногда превращаются и в свою противоположность. Скажем, его, столь эмоционального и темпераментного, не раз обвиняли... в рационализме. Да, режиссер моментами не может преодолеть собственное нетерпение, как бы подталкивая развитие образа в нужном ему направлении. Хорошо, когда такая возможность заложена в самом материале, как это было в случае экранизации для телевидения прозы Г. Честертона. В других же случаях такое нетерпение жестоко мстит за себя.

Мне кажется, неполная удача некоторых ранних картин А. Грикявичюса шла и от его нежелания целиком довериться драматургии. В жизни ухитряющийся как-то подняться над бытом, яростно ненавидящий любые проявления пошлости, житейской банальности, он, встретившись на экране с подобными явлениями, иногда как бы теряется, ищет глубину там, где ее и не может быть. И, наоборот, когда в таких произведениях, как «Чувства», отчасти «Потерянный кров» (по широко известному роману И. Авижюса) и, наконец, «Факт», Грикявичюс находит точное соотношение «малого», «частного» с «глобальным», когда он по-уйтеновски соотносит листья травы и движение космоса, его кинематограф дает много богатейшей пищи уму и сердцу. Ну как забыть, например, тот внезапный сдвиг масштабов в «Факте», когда в мирный июньский день литовской деревушки врывается безжалостная гитлеровская машина истребления, когда эта трагедия вдруг сопрягается с вполне реальной угрозой всему человеческому существованию?

«Факт» уже четвертая картина, поставленная А. Грикявичюсом по сценарию Витаутаса Жалакявичюса. Их многолетнее творческое сотрудничество, иногда бывающее и конфликтным, и сложным,

тем не менее весьма ценной редкой возможностью взаимно поверять идеи друг другу — без дипломатических реверансов — по-дружески требовательно. Единомышленники, они в своем нравственном максимализме, во взглядах на высокую миссию искусства счастливо дополняют друг друга. И прежде всего от этого выигрывает кинематограф.

Сам будучи художником высокообразованного интуитивного начала, Альмантас как-то, помнится, восторженно отзывался об умении своего старшего друга и учителя точно чувствовать момент, когда обществу остро необходим именно этот, а не другой фильм.

Случается, фильм Грикявичюса даже как-то обгонял время, что, как правило, определяло его сложную судьбу. Так было с «Чувствами», не похожими на другие ленты военной темы. Фильм был понят и принят не сразу. Но в контексте творческой биографии Грикявичюса случай с «Чувствами» кажется весьма показательным.

Грикявичюс не страшится балансировать на тонкой грани «понятого» и «непонятого», ибо он свято верит, что сложную мысль нельзя упрощать, сводить к общепринятому знаменателю, что она рано или поздно найдет надлежащий отклик. Он не делает уступок зрителю и в «Факте», властно ведет его по тропам многословной драматургии В. Жалакявичюса.

Самоотдача Грикявичюса на съемочной площадке такова, что удивляются даже коллеги: он совершенно не щадит себя!

Об этой сложнейшей стороне существования в искусстве ничего не известно его зрителю. Альмантас и не занкается о ней, скажем, на творческих вечерах или в высказываниях в печати. Все трудности своей режиссерской судьбы он воспринимает естественно. Ему важнее, что, будучи художником, он имеет возможность средствами искусства делиться своим мироощущением с другими.

Однажды Грикявичюс сказал, что ему по душе те солдаты от кино, которые идут, сколько могут, а потом еще столько, сколько нужно. Он сам такой солдат.

ВИЛЬНЮС.

● Заслуженный деятель искусств Литовской ССР А. Грикявичюс.

Фото А. Александрова.